

Немцы наступали на Москву. Восточнее столицы укрылся маленький военный аэродром. В одну из темных ноябрьских ночей к советским летчикам приехал знаменитый авиаконструктор Ильюшин. Он хотел им дать последние наставления перед боевыми вылетами на его самолетах в глубокий тыл врага.

Эскадрилья отправилась в полет. Шли на высоте восемь тысяч метров. Путь лежал на Берлин.

Андреев пережил за этот полет многое. Он не помнит, как вырвался из зоны огня, как пристроился к звену своих, знал только одно, что сделал восемь полетов над городом, именно восемь, чтобы не везти оставшиеся бомбы назад, и что по данным наших разведчиков он и все его товарищи выполнили задание. Евгений Андреев и его товарищи были награждены орденами «Красного Знамени».

Так началась военная служба старшего лейтенанта Евгения Андреева в полку дальней бомбардировочной авиации. Был ему тогда 24 года.

Жизнь не баловала Евгения. Мать убили белоказак, когда ему было только два года, отец переехал с сыном в Каменск и стал работать на железной дороге. И сам воспитал сына. Воспитал на свой лад. Чтобы не ревел по пустякам, чтобы любил тяжелую работу да смышленым был. В наше-то время, рассуждал бывало отец, голова на плечах нужна. Так и получилось. Став Юнча к семнадцати годам переклассным токарем, затем ушел в авиацию. И здесь вслед за отцом нашелся у него настоящий учитель — Александр Константинович Горюнов, впоследствии прославившийся на всю страну подвигом. В одиночном бою он сбил девять самолетов противника. А тогда

Горюнов был инструктором Шахтинского аэроклуба. Учил курсантов летать быстро, высоко, быть смелыми и отважными.

Все годы войны с благодарностью вспоминал своего учителя. Да, опасных вылетов было немало. Разве не рисковал Андреев в памятном бою под Киевом, когда был сбит немецким «мессершмитом»? Растерялся на минуту — и сгорел бы. Помнит Евгений, как загорелся самолет, как прижала

ветских бомбардировщиков девять «мессеров».

Это тяжелый был бой. Экипажу самолета Андреев пришлось драться с двумя немецкими истребителями. «Мессеры» приладились к бомбардировщику, но стрелять по нем не стали. Из кабины самолета в упор на Андреева смотрел немецкий летчик с усиками на костлявом лице. Немец показывал два пальца.

О, Евгений хорошо знал, что

Герой Советского Союза

его задняя спинка кресла, не давая выпрыгнуть с парашютом. «Не бойся, не бойся!» — сказал себе Андреев. Он пошел в обратном пике и вывалился из горящего самолета. Потом с улыбкой вспоминал, как, спускаясь, потерял унты. Пришлось босиком по морозной земле пробираться к своим. Помнится, в первом же встретившемся дивизионе нашли ему... женские боты на высоких каблуках. Делать нечего — одел, холод жуткий стоял. Так и явился к командиру своего полка полковнику Юханову.

Юханов удивился:

— Ну, многое выдал я на своем веку. Воевал в Испании. Бил финнов. Но чтобы летчики являлись ко мне в ботах — такого не помню. Смотрите, прямо Ольга Лепешинская, — сказал он.

Так и прозвали все Евгения Лепешинской. Даже во время полета здорово сердили его, крича в шлемофон:

— Лепешинская! Справа «мессер», будь начеку!

И Андреев со злостью разворачивался, чтобы сестра на «хвост» немецкому «мессеру».

Однажды напали на семь со-

значит этот знак. Это предложение сдать в плен. Два пальца — 270 градусов разворота — и полет на немецкий аэродром. Евгений упрямо замотал головой. Немец криком усмехнулся и показал рукой, что сейчас искромсает его, русского летчика, очередью из пулемета. Тогда летчик повернулся назад и крикнул в рубку своему радисту-стрелку Кошеля:

— Федя, дорогой, пригтовься. Я иду под немца, стреляй, — и резко нажал на педаль. Самолет сорвался вниз, потеряв скорость. Два немецких истребителя бешено промчались вперед.

— Давай, милый! — крикнул Женя радисту. Самолет немца с усиками загорелся.

— Вот тебе, усатый гад! — крикнул Евгений.

Второй «мессер» растерянно заматался в воздухе. Федор Кошель разрядил и в него очередь. Немецкие летчики погибли в горящих самолетах.

Трижды его сбивали и трижды он возвращался к жизни. Часто был на волоске от смерти, но никогда не ослабевали его руки на штурвале.

В служебной характеристике

летчика есть знаменательные строки: «В бою хладнокровен, сообразителен. Обладает большим искусством маневрирования». А в летной книжке напротив заданий по высшему пилотажу длинный перечень оценок «отлично». Евгений Андреев, три года спустя уже не в составе маленькой группы, а в ряду многочисленных звеньев самолетов снова бомбил и Берлин, и Кенигсберг, Штетин и Данциг, Тильзит и Бреслау.

За годы войны им совершено 301 боевой вылет, сброшены сотни бомб на позиции врага.

Советское правительство высоко оценило боевые подвиги капитана Евгения Григорьевича Андреева, присвоив ему звание Героя Советского Союза.

Отгремели годы войны, прошли обычные воинские мирные будни службы в авиации. Евгений Григорьевич вернулся к станку, к любимой профессии токаря.

А совсем недавно он ушел на пенсию и переехал на жительство в совхоз имени Ленина. Здесь его дом, его семья. И ушел на пенсию не потому, что хочет почивать на лаврах. Нет, война сказалась на здоровье.

Нужен отдых. Но и сейчас отважный воин делает нужное дело, встречается с молодежью, занимается ее воспитанием. Он хочет, чтобы молодые росли храбрыми и отважными.

Б. СЛУЦКИЙ.

Совхоз имени Ленина.

Советские Вооруженные Силы располагают ракетами стратегического назначения колоссальной дальности полета и огромной разрушительной силы. Эти ракеты имеют высокую боеготовность и непревзойденную точность попадания в цель.

На снимке: стратегическая ракета всегда начеку.

Фотохроника ТАСС.